

ГЛАВА 3

Оглядевшись вокруг, Петр понял, что находится в больной палате. Он, конечно, был в курсе плачевного состояния государственной медицины, но теперь ему пришлось убедиться в этом воочию. В последний раз он лежал в больнице, когда был совсем маленьким, а в детстве все воспринимается как приключение, даже рыжие тараканы, нахально снующие по стенам. Тут они тоже были, по крайней мере одного Петр точно заметил: усатый быстро бежал по потолку, а потом скрылся в трещине на стене, среди облупившейся синей краски.

— Ты, брат, еще тумбочку не открывал, — прокомментировал Андрей, поймав взгляд Петра, следящего за тараканом.

Краска полопалась на всех стенах, как будто их изрешетили при обстреле. Палата была рассчитана на трех человек, это Петр понял по еще двум кроватям, стоящим у стены. Сейчас они пустовали. В углу расположился маленький скобоченный умывальник. К нему вели трубы, ржавые и влажные. Батареи тоже покрылись ржавчиной. Петр попытался повернуться, старая кровать под ним заскрипела, а матрас хотел съехать на пол, но русоволосая девушка, которую он не мог вспомнить, заботливо его поправила.

Петр посмотрел в окно, на здание напротив.

— Напротив психушка же? — это были его первые слова.

— Да. А ты в Центральной Городской Больнице. — ответила девушка с русыми волосами, собранными в пучок. Она

смотрела на него острыми маленькими глазами, как будто пытаешься что-то скрыть.

— Может, тебе уже туда надо? Обычно самоубийц туда отвозят, но там бы тебе точно не понравилось, — добавил Андрей.

— А сколько я здесь провалялся?

— Почти две недели. Мы уже думали, что тебе конец. Правда, твои показатели стали улучшаться два дня назад, поэтому тебя из реанимации перевели в обычную палату. К тебе, кстати, заходил один мужик в белом халате, но это не твой лечащий врач. Он как раз с лечащим и приходил, расспрашивал его о тебе. В возрасте, с седой бородкой, говорил, что родственник. Ты не знаешь кто это?

— Нет у меня родственников с седой бородкой.

— Ладно, не важно. Лучше расскажи, что это было? Врачи ничего не могли найти, только сказали, что у тебя прокол в вене, что возможно, это были наркотики... И ты провалялся больше суток! Только странно, что ты находился в коме. В общем загадочный случай. — Андрей говорил быстро и сбивчиво, с интересом смотря на Петра.

Потом он мельком взглянул на Эллочку и добавил:

— При ней можно все говорить, это наш человек. Что за наркоту ты себе вводил?

Андрей поймал непонимающий взгляд Петра, типа «а кто это?».

— Да это Элеонора, Эллочка, ну помнишь, я вас знакомил, как раз перед тем, как ты того, хлопнулся. Ну в тот день, когда мой папаша о любви к родине со сцены сотрудниками вещал. Девушка моя.

Петр отметил про себя, что девушка довольно симпатичная, и веснушки у нее милые. Черты лица ее были мягкими, но мимика выдавала довольно строгую и бескомпромиссную особу.

— Я не вкалывал себе наркотики. Я испытывал вещество, которое разрабатывал в домашней лаборатории. Долго рас-

сказывать, но в общем оно вызывает околосмертные переживания. — сделал паузу и спросил, надеясь, что смерть Офелии ему пригрезилась, мало ли. — А Офелия... что с ней?

— Тебе, наверное, нельзя волноваться, — с заботой в голосе начала Эллочка, — но ты ж все равно узнаешь. В общем, она покончила жизнь самоубийством, ее уже похоронили.

Петр ощутил, как тупая боль снова вернулась к нему. Больно было двигать руками и ногами, но еще невыносимее было в его душе. Значит, все это не сон. Он понял, что сопротивляться бесполезно, и боль криком вышла через горло.

Прибежала какая-то медсестра с успокоительным, попыталась вколоть в вену Петра, тот выбил из ее руки шприц и сказал, что не надо колоть, орать он больше не будет.

— А это не вы, молодой человек, должны решать, а ваш лечащий врач, — и убежала, кинув в сторону Эллочки и Андрея, — присмотрите тут за ним, пока не вернется врач.

В палате воцарилась гробовая тишина, которую Андрей и Эллочка попытались разбавить разговорами про больницу и тараканов.

— Обстановка здесь, конечно, лакшери! Хорошо, что ты был в коме: две недели провести в такой атмосфере — это не для слабонервных. Ну а какие тут могут быть комфортные условия? С союзных времен, судя по всему, ремонт не делался. А сейчас вообще не до этого. Нефтедоллары идут на пушки, а не на медицину. — рассуждала Элеонора.

— А тараканы! — подхватил Андрей, — Тараканы, черт возьми, они повсюду! Я в жизни столько тараканов не видел, просто питомник тараканий! Когда тебя из реанимации перевели в обычную палату, я остался рядом на случай, если ты вдруг очнешься. Так я не смог даже глаз сомкнуть. Если выключить свет, а потом спустя пять минут подсветить телефоном, то можно с ума сойти от того, сколько этих усатых-бородатых рассекают по полу, столу. И что самое мерз-

кое — они по кроватям бегают. Знаешь, скольких я с твоего лица стряхивал! До сих пор мурашки по коже.

— Вижу, над дверью висит аппарат для кварцевания, — поддержал беседу Петр, голос его был пока слабым, — включил бы его, тараканов бы это не убило, но временно дезориентировало и ограничило в возможности свободно размножаться.

— А я даже и не подумал об этом. — сказал Андрей, видно было, что эта мысль его на самом деле заняла.

Петра не пугали ни обшарпанные стены, ни тараканы. Он пережил такой опыт, который стоил всего этого, вот только тоска по Офелии никуда не ушла. Ему не хотелось выходить из этой палаты, потому что когда он выйдет, ему придется продолжать свою жизнь. А он не знал как. Как раньше он уже не смог бы, а как по-новому, он еще не понимал. Он подумал, что неплохо было бы здесь поваляться какое-то время, пока не соберется с мыслями. Ему еще придется столкнуться с лечением, питанием и туалетом в этом «современном» медицинском учреждении. Но это испытали на себе миллионы жителей Страны, и, надо сказать, никто от этого не умер. «Вы ж не в санаторий приехали», — вспомнил он слова санитарки. А хотелось бы уже в санаторий, чтобы можно было нормально ездить, лечиться, учиться. Но придется опять бороться. Что ж, похоже, никуда не денешься. Но а пока больничка хорошо подходила для переходного этапа, чтобы собраться с силами.

А что туалеты? Туалеты, как везде: одна уборная на весь этаж, где 20 палат, метр на полтора, унитаз сломан, сливное устройство не работает. Запах сигарет, хотя это запрещается и грозит штрафом (к штрафам нам не привыкать), но курить-то хочется, а из палаты не выпускают.

Что касается питания, то кормили три раза в день: завтрак в 8.00, обед в 13.00 и ужин в 17.00. Точность — вежливость королей, ну, и больничных поваров! Вся пища безвкусная: не сладкая, не соленая, без сливочного масла, еле

теплая. Это, видимо, для того, чтобы напомнить больным, что они не в санаторий приехали. Разваренная до состояния каши лапша да пшеничная кашка с котлеткой, похожей на увеличенные хомячки фекалии (Петр знал толк в хомячьих какашках). И теперь ему предстояло их есть. А еще холодный борщ, который создавал впечатление, что капусту, свеклу и морковку просто залили разбавленной кровью сырой водой.

Женщины в пестрых ситцевых халатах в цветочек и мужчины в растянутых трениках добавляли колоритных штрихов в атмосферу. И, странно сказать, все это Петру даже нравилось. Здесь время останавливалось, а это то, что ему было сейчас нужно.

На следующее утро в 7.00 к нему пришла медсестра, и сказала, что раз он очнулся, нужно провести все необходимые анализы, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Принесла маленькие серые листочки с назначениями, сказала, чтобы он зашел в процедурную, там ему все сделают, что нужно. Забор анализов: моча, кал, кровь.

Медперсонал был на удивление адекватный. Петр думал, что здесь работают так, как им платят, то есть, никак. Но ошибся. Никто не орал, все объясняли и даже пытались шутить. Только санитарки позволяли себе грубить. Но, видимо, это такой вербальный дресс-код.

Анализы были хорошие, поэтому Петра не лечили, а просто наблюдали.

Давали какое-то успокоительное на травках и витамины, которые нужно было забирать у дежурной медсестры строго с 9.00 до 10.00, иначе можно было не успеть и остаться без таблеток. «Приходите вовремя, иначе их раздадут другим больным» — повторяли медсестры.

Как-то Петр краем уха услышал разговор медсестры с одним из пациентов. Тому не досталось таблеток, и он громко возмущался, так как теперь придется их покупать за свои деньги. Он повторял, что платит налоги, и ему обя-

заны это дать, а еще предоставить бахилы и другие медицинские прелести, положенные по закону. На что медсестра ровным, абсолютно не выражающим никаких эмоций тоном (у Петра было ощущение, что он просто смотрит стендап) ответила:

— Вот у вас машина есть?

— Да, — выпалил дядька, пока еще не чувствуя подвоха.

— Налог транспортный, наверное, платите.

— Ну а как же!

— А вы по дорогам ездите? — продолжала медсестра.

— Да, не летаю же по воздуху.

— А они как, всегда ровные?

— Нет, вот в прошлом месяце пришлось колесо менять, в яму влетел. — дядька начал ощущать подвох, но не понимал какой.

— Ну вот и в медицине так же. Налоги вы платите, конечно, и вам обязаны выдавать здесь бесплатные лекарства, бахилы, а нам хорошие зарплаты. Но в реальности у вас нет бахил, а у меня хорошей зарплаты.

Через три дня Петра уже выписывали. За это время в анализах не нашли ничего, что могло бы его здесь держать. Теперь он сидел и ждал, когда за ним заедут Андрей с Эллочкой.

Петр выразил желание некоторое время пожить не в Городе, а в каком-то спокойном месте, чтобы понять, что делать дальше. Его психологическое состояние было удовлетворительным, как выразился врач, но ему рекомендовано еще пару недель отдохнуть. Больничный был выписан как нельзя кстати, потому что сейчас появляться на работе Петру очень не хотелось. Ему вообще не хотелось возвращаться к старой жизни. Друзья должны были заехать около 13.00. Часов в палате не было, у Петра тоже. В реанимацию его отвезли без телефона. Он сидел и ждал, когда Андрей зайдет, прокручивая в голове сцены, которые он видел, будучи в коме.

В дверь постучали.

Но вошел не Андрей. Да это и не мог быть Андрей, он никогда не стучал. Вошел пожилой мужчина, одетый в дорожной деловой костюм. В руках у него был кожаный портфель, очень не дешевый на вид. Мужчина имел невысокий рост и черные волосы, во многих местах с проседью.

— Добрый день, Петр! — обратился вошедший к Петру.

Голос его был довольно тонкий для мужчины, но властный. Уже по приветствию было видно, что этот человек не терпит, когда с ним спорят.

Петр узнал его. Это был Георгий, отец Андрея, любовник Офелии, местный бизнесмен и депутат.

Петр почувствовал, как волна злости накатывает на него.

— Добрый день! Неужели в это убогое место вас привела моя скромная персона?

— Да ладно вам! Я вас хорошо знаю. Я слежу за перспективными сотрудниками. К тому же с вами дружит мой сын. Я вынужден контролировать все, что происходит с этим балбесом, чтобы уменьшить то количество позора, которое по его вине обрушивается на мою голову.

Петр заметил, что присутствие этого человека делает пространство каким-то тугим и малоподвижным. Его злость начала проходить. Но сопротивление никуда не ушло.

— Вы об Андрее пришли поговорить?

— Нет, о вас. До меня дошли слухи, что вы собираетесь на время уехать. Я не против, просто хочу вам сказать, чтобы вы не беспокоились и возвращались. Для вас приготовлено место в составе команды, которая разрабатывает новую вакцину. Вы там очень нужны.

— Я несколько удивлен вашим предложением и даже польщен. Но не могу ничего обещать. Я пережил большое потрясение. Мне надо с этим как-то справиться, и я не уверен, что мне хватит двух недель для этого. В любом случае я сообщу в институте о своем решении заранее, не беспокойтесь.

— Я догадываюсь, о каком потрясении вы говорите. — в голосе Георгия появились металлические нотки, кадык задрожал.

Но он быстро взял себя в руки и нарочито сделанным доброжелательным тоном продолжил:

— Я знаю про вас и Офелию.

Петр не ожидал такой прямоты.

— Как и когда вы узнали?

— Сейчас это уже не важно. Но я знал с самого начала.

— Она вам сказала?

— Нет, она извивалась, как живая рыба на сковородке, до самого конца. — Георгий сглотнул слюну и продолжил. — Вы думаете от человека с моими возможностями можно что-то утаить?

— Почему вы молчали?

— Думал, это ее увлечение пройдет. Да и хотел рассмотреть тебя поближе. Хотел понять, что в тебе такого, что она втрескалась в тебя, как девчонка, абсолютно позабыв о своей репутации. Я наблюдал за тобой. Ты не так прост, как кажешься с первого взгляда. Ты мне напоминаешь одного человека, которого я знал в молодости. Расскажи мне о том, какая она была с тобой? — голос Георгия становился все тише и тише, он перешел почти на шепот.

— Я не хочу с вами о ней говорить. Я вообще ни с кем не хочу о ней говорить.

Петр поднялся с кровати, подошел к двери, рядом с которой стоял Георгий.

— Позвольте? — он попытался убрать руку мужчины, чтобы пройти.

Тот не шевельнулся.

— Мы еще не договорили, молодой человек. Очень невежливо вот так обрывать разговор. Не заставляйте меня давать вам уроки хорошего тона. — он опять перешел на «вы».

Петр сделал пару шагов назад и уставился на Георгия, показывая всем своим видом, что он его не боится.

— Вы что-то еще хотели обсудить? — спросил Петр с вызовом в голосе.

— Да. Ваши околосмертные переживания. Офелия мне говорила, что вы с ней как-то заключили договор о том, что если она умрет, то вы используете самостоятельно разработанное вещество, чтобы встретиться с ней. Вы видели ее, когда ваше тело было в коме?

— Нет, — коротко ответил Петр, и это было правдой.

— А что вы там видели? В пространстве между жизнями?

— Откуда вы знаете о нем?

— Книжки читал, — как будто осекся Георгий.

— Ничего не видел, — уже соврал Петр.

— А ведь вы лжете мне сейчас. Я слишком давно в политике, поэтому разбираюсь, когда лгут, а когда говорят правду.

— Слушайте, я не понимаю, зачем это вам, — попытался как-то уйти от разговора Петр. — Я даже и не думал, что мои приходы в коме могут быть интересны такому серьезному человеку, как вы. — он сделал паузу, а потом вцепился взглядом в черные, казавшиеся дьявольскими, глаза Георгия. Атмосфера накалялась.

— Пытать будете? — Петр сжал кулаки.

Дверь с обратной стороны толкнули, Георгий подался вперед, но не упал. А вот его портфель полетел вниз и раскрылся, оттуда вывалилось несколько пачек зеленых купюр. Доллары.

В комнату вошел Андрей и громко объявил, не заметив отца:

— Карета подана! Эллочка ждет в машине, пойдём.

Увидев отца, удивился и в притворно-комической манере продолжил:

— О, папа, дорогой! Какими судьбами в таком месте? Вот уж не ожидал. А я думаю, твоя машина или нет под окном.

— Я уже ухожу, — собирая деньги и застегивая портфель, зло процедил Георгий и добавил, показывая на доллары. — Все это может стать вашим, молодой человек, если продолжите работать на меня в институте. Ваша разработка вещества, которое приводит к околосмертным переживаниям, очень интересна. Позвоните, если захотите все обсудить.

Он достал из внутреннего кармана пиджака визитку и протянул ее Петру. Андрей перехватил, начал крутить в руках.

— О, новая! Я еще таких не видел у тебя. Хотя визитки — это прошлый век.

Взял ее в зубы, подошел к Петру и бросил к ногам. Петр прыснул от смеха.

— Идиот! Видела бы тебя твоя мать! Как хорошо, что она не дождала до этого позора! — Георгий хлопнул дверью и вышел.

***

Молодые люди втроем ехали на квартиру Петра, чтобы тот собрал сумку для отпуска в деревне. Но перед этим Петр хотел посетить кладбище, где была похоронена Офелия.

Оказавшись на месте, Андрей вызвался показать ее могилу, но Петр хотел пойти один. Тогда друг объяснил ему, как найти дорогу, потому что памятник еще не поставили.

Петр быстрыми шагами, почти бегом, шел вдоль многочисленных крестов, похожих один на другой. Полуденное июньское солнце слепило глаза. Он дошел до могилы Офелии, это точно была ее (Окминян Офелия Араратовна 19?? — 20??). «Окминян — это родная душа, — вспомнились ему слова Офелии. — Я твоя родная душа».

Рядом двое мужчин средних лет, явно уже под мухой, копали еще какую-то могилу. Один из них курил. Петр ничего не спрашивал, но тот обратился к нему:

— Закурить не хочешь? Помогает отбить запах, да и время убить, оно тут тоже словно умирает.

У мужчины зазвонил телефон, он взял трубку, а потом обратился к своему напарнику: «Кажется тело привезли, пойдем».

Петр остался совсем один. Еще раз прочитал имя, фамилию и даты на кресте и подумал: «Как будто не она. Это не ее тело лежит там. Со смертью ничего не заканчивается».

И тут он отчетливо услышал голос Офелии:

— Догадался наконец!

Он оглянулся — никого не было. Пространство вокруг начало заполняться полупрозрачным белым туманом. В недоумении он пытался убрать туман хаотичными движениями рук.

Голос Офелии слышался так отчетливо, как будто она был совсем рядом:

— Как мне надоело это брэнное бесполезное тело. Тем более, что так много времени потеряно зря. Но теперь я почти освободилась и готова снова жить. Когда ты уйдешь с кладбища, меня уже не будет, совсем не будет. Я специально тут оставила свой голографический звуковой слепок, ждала тебя. Мы больше никогда не встретимся, пора уже заканчивать эту историю длиной в четыре тысячи лет. Однако я не могу уйти вот так по-английски. У меня для тебя есть небольшой подарок.

Белый туман начал сгущаться, концентрироваться и превращаться в небольшой белый шарик, висящий в воздухе прямо перед лицом Петра.

Голос Офелии:

— Вдохни его.

Петр вдохнул шарик, словно дым.

Голос Офелии продолжил:

— Но сработает он только при одном условии.

Петр в замешательстве:

— Что это вообще?

Голос Офелии, не обращая внимания на вопрос Петра:

— Телевизор! Как я ненавижу этот зомбоящик! Когда мое тело покидала жизнь, эта электрическая дрянь все время работала. Первый канал много часов подряд, пока мое тело не нашли. Это как вообще? «Вечер с Соловьиным пометом», «59 минут», «Время промажет». Б**ть. Духи не должны материться. Но это реально задолбало меня. Увеличенная морда ведущей с конским хвостом и такими же зубами, лоснящиеся от своего патриотизма гости, готовые картинно перегрызть друг другу глотки, чтобы доказать, что каждый из них БОЛЬШОЙ жополиз, чем другие! Я четыре тысячи лет была далека от политики с того самого раза, как меня убили на жертвенном алтарном камне в Шумере. И думала, что и в этой жизни удастся. В жизни удавалось, но в смерти, б**ть, херовы спасители святого и вечного меня достали. Петя, друг мой, разбей к х**м этот зомбоящик. Услужи мне в последний раз. И тогда мой подарок начнет работать. Ну а теперь прощай, больше я тебя не побеспокою.

Вернулись рабочие, продолжили копать соседнюю могилу. К уже выкопанной подъехал катафалк, привезли тело бабки. В последний путь ее отправляли всего три человека: уже немолодая женщина, мужчина примерно того же возраста и молодой парень. Судя по их реакциям: притворно-скорбящей у женщины, равнодушно-приличной у мужчины и с интересом рассматривающей другие могилы у парня — дочь, зять и внук. Видимо, бабка была не очень милым человеком и ее никто не любил. Тут же поп возле гроба размахивал кадилом и читал молитву по книжке. Что у них, попов, с памятью? Он же, наверное, тысячу раз повторял этот текст. Почему его нельзя запомнить?

— Иже еси на небеси. Иже еси на небеси... Рабу Божию Софию... В рай... В ад... Аминь... Купите брошюрки, там все подробно. Закапывайте!

Все, кроме внука, постоянно крестятся. Работники кладбища подхватывают гроб, опускают в могилу. Все по очер-

ди кидают землю. После этого мужики споро закапывают яму, делают холмик, проводят лопатой и уходят отдыхать в тень своей раздолбанной машины. Из дребезжащих колонок доносится приглушенная песня «Вне смерти».

Все богатство людей — это грязь и гнилье.

Так пускай мертвецы охраняют свое.

Для меня же бесценно встретить ее — эту новую
жизнь вне смерти.

Эта любовь уносит меня, (посмотри) она всюду!

Эта любовь открыла тебя, (для меня) и быть
чуду!

Эта любовь уносит меня, (посмотри) она всюду!

Эта любовь открыла тебя, (для меня) и быть
чуду!

Ты наверху ждешь меня.

Это как новая жизнь вне смерти.

Оставшиеся топчутся, собираясь уходить. По небу безмятежно летят облака.

Когда Петр вернулся в машину, друзья заметили, что он был на чем-то сосредоточен, и не удивились, когда он попросил их завезти его на пять минут в квартиру Офелии.

— Ну она же заперта, как ты туда зайдешь?

— У меня ключ есть, — Офелия мне его дала, когда я видел ее последний раз живой. Надеюсь, никто замок не поменял.

Он вышел из подъезда уже через несколько минут с плазменным телевизором в руках.

— Ты что решил на память телевизор скомуниздить? Ну да, а что еще делать в деревне, как не телевизор смотреть? — прокомментировал Андрей, скорее для себя, чем для друга.

— Дай биту, — ничего не объясняя, попросил Петр, — я знаю, ты возишь ее в машине.

Андрей протянул ему биту.

Петр подошел к мусорным бакам возле дома, поставил телевизор на землю. Замахнулся битой и со всей силы ударил ею по экрану. Телевизор лопнул с оглушительным треском, поникшая тушка сломанного электрического трупя отправилась в мусорный бак.

Все вокруг на несколько секунд залилось белым туманом, который быстро рассеялся.

Жаркое июньское солнце слепило глаза.

— Ну теперь можно и своими делами заняться, — сказал Петр садясь в машину.

***

В съемной квартире Петра друзья провели не более получаса. Столько времени ему понадобилось, чтобы собрать свои вещи в одну сумку. А зачем больше? В деревне много не надо, а все необходимое для быта в доме, который принадлежал бабушке Элочки и где собирался провести две недели Петр, было. Петр хотел усыпить хомячков, мирно жующих свой корм в клетке. Но Элочка попросила их забрать себе в качестве питомцев, она привязалась к ним. Пока Петр был в коме, она их кормила.

Важно было сделать еще одно дело — уничтожить вещество, вызывающее околосмертные переживания и записи, которые Петр делал, когда разрабатывал его. Он вылил в унитаз все жидкости, высыпал туда же порошки, а бумаги, исписанные мелким ровным почерком, порвал и отправил в мусорное ведро. Оставшиеся вещи пообещал перевезти к себе Андрей и сказал, что по приезде Петр может у него пожить, пока не найдет новую квартиру.

— Расскажите мне, что происходило тут в эти две недели, пока я спал, — попросил Петр уже в машине.

— Да все, как обычно, спецоперация продолжается, ничего не меняется, война рутинизируется. Где-то умирают люди, а мы ходим в кафе, на работу и понемногу беднеем.

Андрей тут учудил незадолго до того, как ты вышел из комнаты, в одну из ночей, видимо его достали тараканы в твоей палате, и он пришел под балкон моего дома петь песни под гитару.

— Я просто хотел с тобой помириться после того инцидента с твоей подружкой.

— У тебя слуха нет, как это сейчас модно говорить, «от слова совсем». Ну да, и весь дом разбудил.

Андрей запел, немного фальшиво, пританцовывая верхней частью тела и одновременно крутя руль:

— У меня скрипка, у тебя смычок, у меня петелька, у тебя крючок. В общем нам с тобою нечего делить — выходи, пойдем дружить!

— Хватит петь! Иначе мы опять поругаемся. — прервала его девушка.

Андрей перестал петь и продолжил:

— Да ты б уже молчала о том, какой я плохой. — обращаясь к Петру. — У нее совсем мозги набекрень. Сейчас расскажу тебе, как я ее из тюрьмы вытаскивал. Да, да, Эллочка, пока ты спал, уже в спецприемнике посидеть и в автозаке покататься успела.

Поворачивается к Эллочке.

— Я ж тебе говорил, бросай ты свои протестные штуки. Все равно это не на что не влияет, только геморроя добавляет. Если бы не связи моего папаши, тебя могли бы посадить на пару годиков.

Эллочка начала вспоминать, как на день Страны, она рисовала плакаты, с которыми группа девушек феминистского движения, признанного незаконным еще до начала той самой спецоперации, должна была выйти на площадь перед зданием городской администрации. Девушки стояли там по очереди, чтобы это было расценено как одиночный пикет, тогда у них были шансы легче отделаться. Если выходить на площадь в компании хотя бы двух человек, то это уже попадало под несанкционированный митинг, а за него

можно было получить немаленькие штрафы и приличные сроки. В разных точках Города девушки с плакатами выступали с протестными высказываниями.

Стояла Эллочка с плакатом не долго, минут 10. Но ее успели снять на камеры, а потом раскидать видео по местным пабликам. В официальных городских новостях, конечно, ничего не показали. На плакате Элочки большими буквами было выведено «Войне нет места на этой земле», нарисована большая красная рука, закрывающая бомбы, летящие с неба на землю. Вдалеке были изображены обычные девятиэтажки.

Полицейские скрутили ей руки, но обращались довольно вежливо, просили не сопротивляться, иначе придется применить силу. А они девушек бить не хотят, тем более таких симпатичных. Посадили ее в автозак. Поездка в автозаке в разгар южного лета — это что-то! Дорога в приемное отделение заняла минут двадцать — пробки! Пешком было бы быстрее, и это не фигура речи. Автозак был битком набит людьми. Кто-то из них посоветовал Эллочке с ментами дергать язык за зубами и думать головой, а не желудком.

В приемном отделении пришлось ожидать долго, оказалось, что таких, как она, не так уж мало вышло бунтовать, портить праздник нормальным людям, как выразился сопровождающий их полицейский.

Комната ожидания была тесной: бетонная каморка полтора на полтора, без окон, с тусклой лампочкой и спертым воздухом. Грязь на цементе, которым были обмазаны стены приемника, взялась «шубой». Грязь была не только на поверхности стен, полу и потолке, она пропитала все и всех вокруг и внутри. А еще отчаяние и пустота. Они были здесь такими плотными, что ощущались почти физически, хоть топор вешай. Эллочка думала о том, что она тут не надолго, вряд ли ей дадут реальный срок. А как чувствуют себя люди, которые в таких местах оказываются на более длительное время? Можно ли это себе представить? Она пыталась,

но не получалось. Ее сознание заблокировало воображение. Она чувствовала только глубокую тоску и безысходность. Где-то внутри себя она знала похожие места, они вошли в ее кровь. Не удивительно для страны, где сидели почти все. У Элеоноры сидел прадед по доносу, его забрали как кулака. Так он и сгинул в тюрьме. Бабушка до самой смерти утверждала, что ее отец погиб не в тюрьме, а на производстве. Внучка тыкала пальцем в документы, которые она нашла, когда исследовала свою родословную, где черным по белому с печатями было написано:

«Яков Силантьевич Зверяк. Дата рождения: 1899 г. Мера пресечения: арестован. Дата ареста: 12 июня 1939 г. Обвинение: антисоветская агитация. Приговор: 7 лет ИТЛ, 3 года п/п. Дата реабилитации: 1989 г. Источники данных: БД „Жертвы политического террора в Старой Стране“; УВД Южной обл.»

Бабушка сопротивлялась, говорила, что это кто-то перепутал. Отрицать сидящих родственников стало бессознательной стратегией выживания.

Эллочка даже боялась думать, что следователи могли делать с ее прадедом, тогда всех пытали. Она читала воспоминания тех лет. Сегодня нравы перестали быть такими крутыми. Всего лишь унижения, угрозы физической расправы и сексуализированного насилия, когда ее допрашивали и составляли протокол. Но что это по сравнению с вырыванием ногтей и поливанием водой на морозе! В ее случае дальше слов никто не заходил.

Ей пришлось провести ночь в грязной камере на матрасе с клопами, близким позвонить не давали. Утром в 8 часов камеру открыли и полицейский скомандовал: «Селиверстова, на выход! Остальные сидят и дожидаются распоряжения». Ее вывели в коридор, отдали паспорт и сказали, чтобы шла на все четыре стороны и не творила глупостей.

За двором приемного отделения ее ждал Андрей. Когда она спросила, как ему удалось ее вытащить, сказал, что папа постарался. Сначала не хотел, но когда Андрей намекнул

ему, что прессе будет очень интересно узнать про сына депутата, уважаемого человека и одного из самых главных патриотов Города, про сына, который встречается с девушкой, порочащей честь и достоинство армии Страны, то сделал пару звонков, и этого было достаточно. Но лучше, чтобы это не повторялось, в следующий раз отец может пойти на принцип. Эллочка сказала, что она будет делать то, что от нее зависит, чтобы внести свою лепту в борьбу против тирании, а сидеть и молчать в тряпочку она не может. «Не надо делать из себя мученицу, они того и хотят, это не работает уже. Нужно придумать что-то более действенное», — иногда Андрей выдавал довольно умные мысли, хотя в их паре было уже как-то само собой решено, что она умная, а он красивый.

«Через 100 метров поверните налево», — произнес робот в навигаторе Андрея, и они въехали на дорогу, которая вела в деревню, где родилась Эллочка и где жила ее родня, которую она оставила в 17 лет, чтобы поехать учиться на журналиста в Город. После университета она проработала журналистом два года в местном электронном издании, а потом увлеклась йогой, получила за несколько лет сертификаты, позволяющие ей заниматься как инструктор, параллельно училась на факультете психологии и ушла в свободное плавание.

Сейчас она не только преподавала йогу, но и была ведущей психологических групп, где процветала женская солидарность. Но она не приветствовала популярные ведические курсы, на которых учили дышать маткой и ходить без трусов, впитывая энергию земли и параллельно вдохновляя мужчин на подвиги. Она принадлежала феминистскому течению и до закрытия состояла в членах феминистской организации Города. Ей была близка тема женского лидерства и полоролевой дискриминации. Она защищала женские права на всякого рода выступлениях, боролась с тем, что женских туалетов было столько же, сколько мужских (а жен-

ская физиология предполагает, что они в туалет ходят чаще, и этот процесс занимает больше времени), поэтому демонстративно ходила в мужской.

Петр увидел вывеску, сконструированную еще в советское время, «Станица» и понял, что это и есть та самая деревня, где он проведет ближайшее время своей жизни. Еще через пару минут они остановились у металлических синих ворот, с уже обшарпанной краской.

— Вы приехали, — отрапортовал робот.

Элеонора провела экскурсию по дому и двору, выходящему к реке, передала ключи Петру, и они с Андреем уехали. Девушка не могла тут остаться, поскольку у нее было много общественных дел в Городе.

Молодой человек походил по двору, а потом вышел к заброшенному саду, который заканчивался спуском к реке. Когда-то тут было много заботы и любви, а теперь только память об этом, да и памяти уже почти нет — видно, что сюда никто не заходил несколько лет. Сад окружал забор, частично деревянный, частично выложенный из камней. В некоторых местах забор уже обвалился, камни валялись хаотично, ограда почти проиграла сражение со временем. Одинокий, доживающий свой век, забытый сад. Деревья путались в ветках друг друга. Вишня, когда-то дававшая крупные и сладкие плоды, вырождалась, ее ягоды стали мельче и кислее. Петр сорвал несколько вишен, они были кислые, но очень сочные. Он кривился, но ел их, что-то неподдельное, настоящее и живое было в этих плодах. Он вспомнил, как недавно смаковал купленные в супермаркете, большие и красивые вишни. И сейчас понял, что эти выращенные в ненатуральных условиях ягоды были правильно унылыми и безжизненными. Они не в состоянии подарить настоящий вкус, только его фантом.

Сад забытых надежд и желаний, который спрятался от посторонних глаз. Место, где теперь Петр хотел спрятать себя. Казалось, этот сад обволакивает Петра, поглощая

в своей тени его прошлое. Жизнь вытекала из этого места, постепенно меняя пространство для чего-то нового. Повсюду буйно расплодилось в полроста человека наглая крапива. Петр уже успел обжечь ею свои руки.

Еле видимая песчаная тропинка, которая была практически похоронена не только крапивой, но и другими сорняками, вела к воде. Петр шел по ней к речке, которая находилась внизу откоса и в которую переходил сад. Он нашел сломанную куклу: у нее не было глаз и одной руки, а волосы ее, как и резиновое тельце, выцвели под воздействием дождей и солнца. Он взял ее в руки, выкопал палкой в земле яму под уже неплодоносящей яблоней и похоронил игрушку, которая когда-то была предметом детской радости.

Спустился к реке. Видно было, что река заиленная, а вода почти стоячая, речушка явно высыхала. Речушка — река, протекающая в Южной области Страны и Восточной области Соседней Страны. Берёт начало на Восточном кряже и впадает в Южную реку, являясь его правым притоком. Водятся карп, сазан, толстолобик, окунь, щука, судак, сом, раки. «В этом месте реки, наверное, ничего не водится», — подумал Петр.

— Ты не прав, — услышал он звонкий женский голос.

Уже смеркалось. Но он четко увидел русалку у противоположного берега. Самую настоящую русалку, как ее рисуют в книжках.

— Тут есть рыба, — русалка пошарила в воде и перекинула ему на другой берег небольшую рыбу с выпученными глазами.

— Вот возьми, ты же любишь рыбу, — хихикала русалка — Я просто хотела тебе напомнить про подарок. Сегодня ты ощутишь его действие. А действие заключается в том, что твои чувства стали тоньше, обострились. И сны тебе теперь будут сниться яркие и насыщенные. Только вот управляться с этой чувствительностью, учиться ее настраивать, делать громче и тише, тебе придется самому.

Она махнула хвостом и уплыла.

Петр уже ничему не удивлялся. Он почувствовал, что его начинает клонить ко сну. Прилег на траву, глаза его закрылись. Подумал о том, что ночью может быть прохладно у реки на земле, но эти мысли куда-то утекли, и он заснул крепким глубоким сном.

***

В это время Андрей в своей квартире в Городе тоже предавался наслаждениям. Но не наслаждениям сна, а наслаждениям потребления еды после выкуренного *****. Андрей был зависим от любви, в основном от женской. Иногда ему перепало мужской, но только в глубоко нетрезвом состоянии и ради эксперимента. Про мужскую он никому не рассказывал, прятал это даже от самого себя. Все знают, как в Стране относятся к «педикам», хотя «педиком» он не был.

Обычно, если женщины по какой-то причине были вне зоны доступа, он курил *****, потому что только так мог начинать заполнять себя едой. Когда он просто ел, в обычные обеды и ужины, он ел потому, что так было нужно, ел правильную еду. На завтрак съедал 400 граммов овсяной каши на обезжиренном молоке, два яйца и половину яблока. Яблоко обязательно должно было быть зеленым, красные яблоки могли вызвать аллергию. На обед полагалось мясо курицы или индюшки — 300 граммов, овощей — 350 граммов (но только сырых или на пару, и чтобы без лишних жиров, картофель был запрещенным продуктом, плохие углеводы тоже были ни к чему). На полдник молодой человек съедал 2 яйца и пару кусочков хлеба (не пшеничного, исключительно из злаков грубого помола, на худой конец — ржаного). Ужин был особенно пресным, потому что вечера Андрей не любил — вечера лишали всяких надежд. Обезжиренный творог и немного молока. Диету Андрею соблюдать было

не трудно, еда заполняла его ровно настолько, чтобы осталось место для женщин.

Все менялось, когда он позволял себе выкурить *****. Немного перед сном: зеленая, мелко рубленая, душистая, с легким привкусом блевоты.

После нее еда приобретала сакральный смысл, становилась, мало сказать, что вкусной, просто божественной! Макароны, обильно политые майонезом или кусок, жирный кусок, шашлыка! Хорошо, что рядом было кафе «У Ашота» — там всегда можно было заказать отменный, сочный шашлык из баранины. Андрей ел, жир стекал у него по пальцам, которые он потом облизывал, причмокивая. А после шашлычка — торт «Наполеон», такой готовила его мама, когда он был маленьким. Бережно, нежно, но жадно он снимал слоеное тесто кусок за куском, вгрызаясь в его мягкую плоть, а потом языком слизывал крем, белый, густой, маслянистый. Все это он запивал масалой, чаем, который он заваривал вместе с россыпью индийских приправ, заказанных через интернет-магазин. Для этого случая у него была приготовлена праздничная кружка, из которой он пил только масалу и только после хорошего *****. Андрей заполнял едой свою пустоту, и был счастлив. А когда засыпал, ему снились красочные, бессюжетные сны.

На следующее утро еще несколько часов после пробуждения он чувствовал флер легкости и свободы, которые ослабляли его. К обеду все проходило. И он опять ел вареную курицу, обезжиренный творог и зеленые яблоки.

«Мы ищем в другом себя по сути для того, чтобы найти путь к Богу. И еда — она как женщина, наполняет мужчину на время, а потом выходит, оставляя в унитазе переваренное нечто, которое мы смываем, чтобы опять поесть», — написал он Эллочке в мессенджер, снабдив свои мысли фотографией сочного шашлыка и жирного «Наполеона».

Эллочка прочитала его сообщение только утром, потому что сейчас она была занята своей подругой. Та лежала в кро-

вати, а Эллочка раздевала ее. Это была та самая подруга, из-за которой у нее с Андреем случилась ссора. Они хотели поэкспериментировать с сексом втроем. Как оказалось, при всей открытости взглядов ни у одного из них не было подобного опыта. Но подруга пришла к Андрею в квартиру раньше Элочки, та задержалась на работе. И Андрей решил подготовить все, пока Эллочка придет. И потренироваться заодно. Звонок в дверь застал Андрея и подругу Элочки врасплох, и он пошел открывать, завернутый в полотенце, так как никак не мог найти свои трусы, а звонок назойливо трещал. Эллочка разоралась, обиделась и ушла. Так что секс втроем не получился. Потом Андрей вымаливал прощения у нее под окном песней «у меня петелька, у тебя крючок» и цветами, поспешно купленными в цветочном магазине за углом. Пел он плохо, а розы Эллочка не любила, поэтому они полетели ему в лицо, когда он ей их вручил. Андрей не очень понимал, за что он просит прощения и не считал себя виноватым. Все же было оговорено и санкционировано ею. Подумаешь, он начал без нее и немного раньше. Она же не обижалась, когда опаздывала в кафе, а Андрей уже доедал свою безвкусную еду. Но он давно понял, что легче согласиться и попросить прощения, чем сопротивляться и что-то доказывать. Он хотел быть любимым, ему не нужно было быть правым.

Сейчас Эллочка смотрела на свою обнаженную подругу, прикасалась к ней, внюхивалась в запах ее волос, дотрагивалась до ее шеи, вода пальцами плавно, но настойчиво. Она перевернула подругу на живот, наклонилась над ней. На несколько секунд у нее перехватило дыхание от возбуждения, хотя секс с девушками был для нее привычным. Что-то особо притягательное было сейчас в подруге, наверное, то, что ее трахал Андрей. Эллочка представила себя им и начала двигаться своим тонким, но жилистым телом вдоль мягкого и податливого тела девушки. Она закрывала глаза и фантазировала о том, как делает это он. Не то что бы Ан-

Ей нужно было перейти на другую сторону моста через реку, реку, которую она знала с детства. Мутные воды притягивали к себе и одновременно с этим вызывали чувство отвращения. Вокруг никого не было. Она попыталась крикнуть, но из ее горла выдавливалось только какое-то шипение. Зачем ей на ту сторону? Что там ее ждет? Она не знала, но оставаться здесь, рядом с рекой, было тоже опасно. Есть только два пути: назад, в деревню, где она жила, или вперед, туда, где ничего не известно. Назад она не хотела.

Ходили слухи, что в реке живет какое-то чудовище, и всех, кто осмелится подходить к воде или попытается перейти через мост, оно утаскивает на дно. Никто из деревни это чудовище не видел. Но несколько людей уже пропали.

Она была смелой, вернее, она хотела себя такой считать, потому что презирала трусов.

Она сделала шаг на мост, посмотрела вниз. Мутные воды зашевелились. Еще шаг, взгляд вниз, вода зашевелилась все интенсивней. И еще. И вот уже середина моста.

Все произошло в один момент. Существо выпрыгнуло из реки и двумя острыми зубами впилось в ее шею. «Змей, огромный серо-коричневый змей», — пронеслось у нее в голове. — Разве такие бывают?»

Бороться. Единственный шанс выжить и спасти других. Бороться и предупредить всех, что в реке живет Змей. Вместе люди смогут его победить. В глазах потемнело, она уже ничего не видела. И только жирное, скользкое тело было реально, жирное, скользкое тело, которое душило ее. Нечеловеческими усилиями, она оттолкнула его от себя и потеряла сознание.

Очнулась она уже в деревенском доме своих родителей, на этой стороне. Ей не удалось перейти мост.

Мать протирала ей рану на шее каким-то плохо пахнущим раствором.

«Я видела Змея, я душила его, но он, скорее всего, выжил. Надо отправиться всем вместе к реке, чтобы убить

ский язык все еще оставался официальным языком и языком обрядов, которые проводил Элайя. 4 тысячи лет назад он жил уже не первую свою жизнь и был с точки зрения человеческой эстетики самым совершенством, как и положено главному служителю культа. Красив, умен, здоров. Волос ни на теле, ни на голове у него не было: волосы богомерзки. Взгляд его был острый и цепкий, как и в нынешней жизни. Он внимательно следил за тем, чтобы не пораниться, потому что к статуям божеств не допускались люди, у которых были следы крови на теле, даже мелкие порезы.

Готовили его к этой должности с самого рождения, он был вторым сыном правителя, а я его племянницей. Мы оба получили образование при храме и традиционное посвящение. Каково оно было, я уже не помню. Да оно и не мудрено, невозможно запомнить все детали жизни, которая случилась 4 тысячи лет назад. Мне позволено вспомнить только один день из того рокового времени, которое стало началом конца.

В дни, свободные от обрядов, а было их много в ту пору, жрец составлял гороскопы правителям и учебные пособия для людей о поведении в храме и за пределами оного. Он предсказывал погоду, довольно точно, точнее, чем теперешние телевизионные девушки на в узких юбках и деловых пиджаках, составлял рекомендации для земледельцев. Он знал свойства трав и растений, чтобы лечить людей. Это было прекрасно — без антибиотиков и антидепрессантов. Предсказывал будущее по внутренностям животных и расположению светил, знал тысячи заклинаний от всякой напасти и периодически изгонял бесов, хотя даже тогда многие не верили в то, что виною краха империи были бесы. Большинство догадывалось, что наша власть идет куда-то не туда, что слишком много войн и слишком мало любви.

Магические ритуалы были основой жречества. Но я была плохой ученицей, я не помнила того, что было выгравировано на столетних табличках клинописью, поэтому придумывала

мывала свои. Они тоже работали, и никто не замечал, что я делаю что-то не то. Я говорила на шумерском, а народ — уже на смеси аккадского и шумерского. И это очень расстраивало Элайю. Он всячески пытался отстоять прошлое и свои интересы, но волны семитского влияния накатывали все сильнее и сильнее. Имя им легион.

По традиции посты храмовых жрецов передавались от отца к сыну. Но традиции разрушались, поэтому уже многие жрецы без роду и племени, приемыши влиятельных людей, смогли добиться жреческого назначения. Элайя был исключением и особо гордился, что он сын царя. Он ревностно охранял секреты своего ремесла.

А я была молодой и красивой сангу, дочерью царя, поэтому стала верховной жрицей богини Иштар. Я даже не могу сказать, нравилось мне это или нет. Просто такова была моя судьба.

Верховный жрец, мой дядя, стал выказывать мне особые знаки внимания. Не как дядя племяннице или верховный жрец жрице Иштар. Он воспылал страстью ко мне. Но его вера не позволяла ему предаваться блуду со мной, жрицей-девственницей. И он задумал чудовищное!

Обряды в то время проводились довольно закрытые, и тела были закрытые, мы служили богам в просторных одеждах из грубого материала. И он тосковал по тем временам, когда жрецы и жрицы должны были прислуживать богам голыми. Он так хотел увидеть мое тело. Втайне он желал меня, и долгими ночами не мог уснуть, сгорая от вожделения.

Храмовые обряды усложнились до глупости, и вернуть все к тому, чтобы служить голыми, было невероятно трудным. Но для верховного жреца даже в то время не было ничего невозможного.

Каждый день Элайя старался поддерживать пышность обрядов. Он не хотел признавать, что чем пышнее обряды, тем ближе конец. Все это делалось для того, чтобы внушить

горожанам мысль о величии храма и религии. Но результат был обратным. Он катился в бездну вместе со своим народом, вместе со мной, прекрасной и наивной сангу, которую он захотел убить. Ведь она просто кричала своею юностью и живостью, что старому миру конец!

Он метался по постели, усмиряя свою плоть, в полузабытьи видел первого жреца среди землян Энмедуранки, имя которого означает «правитель МЕ, который связывает Небеса и Землю». МЕ — законы, которые никто не мог нарушить. Когда Ануннаки передали Энмедуранки табличку с тайнами Небес и Земли (эту табличку потом развили до карт Таро), научили вести счет числами, открыли знания воды и масла и предсказали будущее, они не знали, что всему этому придет конец, потому что один из них задумал убить жрицу Иштар.

Уже совсем скоро Иштар наказала его и его народ тем, что рухнули древние устои общественной жизни, традиции, обычаи.

Через меня боги послали трагедию в Урук.

Каждый раз, когда Элайя входил в храм, чтобы освятить алтарь, я стояла, потупив свой взор. Я чувствовала его желание и старалась не провоцировать его. Я боялась его, он чувствовал мой животный страх, и это возбуждало его еще больше. Он не мог меня сделать своей, но он мог меня убить. Жрец был хитер, поэтому смерть должна была быть хорошо подготовленной.

У жриц в то время было только два пути: быть посвященной в жрицы-девственницы, служительницы богини Иштар или стать храмовой проституткой. Храмовые жрицы-проститутки практически все проходили через Элайю, служение телом было их прямой обязанностью. Как две ипостаси Иштар: девственная и непорочная с одной стороны, и плодovitая и дающая мужчине с другой. После одобрения Элайи жриц посылали на постоянные дворы, где оставались путешественники, и они занимались с ними любовью во славу Иштар, великой богини.

Но я была дочерью царя, поэтому он не мог сделать меня храмовой проституткой.

Петр видел образ жрицы-девственницы. И видел, как верховный жрец подготавливает ее священное убийство.

Близилась церемония символического брака богини Иштар и бога Энки, которая проводилась каждый год с 16-го по 22-й день месяца Шабату, 11-й, зимний и самый холодный месяц в году, месяц ветров, перемен и разрушений. В этот раз церемония должна была быть особенной. Перед собравшимся народом жрец рассказывал о новой воле богов, а пока полным ходом шла подготовка к празднику. Воскуривание благовоний, возлияние жертвенной воды, масла, пива, вина — все это предназначалось Иштар и Энки. На жертвенных столах резали овец и других животных, а жрец смотрел на корчившихся в муках барашков и представлял, как он это делает с Эльмештум. Дары должны были быть в этот раз очень щедрыми, потому что все шептались в храме о том, что боги прокляли шумеров. Война с соседним государством, которым правил Шаррумкен, никак не заканчивалась, хотя царь Шумера был уверен, что она не продлится больше недели. Но вот уже прошло несколько месяцев, ничего не менялось. Аккадские земли так и не были завоеваны, только все больше воинов погибали в бою, и требовались все новые жертвы.

В праздник Шабату жрецы-музыканты играли на лирах, арфах, цимбалах и флейтах. Перед храмом толпились верующие. Вдоль внутренних и наружных стен, во дворах и нишах были расставлены стелы, статуи, жертвенные сосуды, принесенные в дар храму правителями всех времен и простыми людьми. Вездесущие каменные статуи и статуэтки должны были неустанно молить богов о благополучии и долгой жизни их жертвователей. Фигурки изображали людей со смиренно сложенными на груди руками.

Внутри храма все было готово, после молитвы жрец вышел к народу. Стенания и плач по затопленным и разру-

шенным городам заполняли пространство вокруг храма, у шумеров было принято помянуть не только людей, но и города. Плакальщицы за это получали неплохо — платой им было пиво и мука. Традиционные плачи сменились традиционными просьбами. Богов просили не затапливать людей и их дома, не разрушать храмы и города. Как будто это возможно. Вокруг храма жрецы и обычные люди не только оплакивали прошлое и просили за будущее, но там же собирался Совет богов, который решал судьбу страны и мира. Совет богов постановил городу жить и миру быть. Но, видимо, боги обманули нас. Или богиня Иштар разозлилась на людей за свою дочь, посланную на землю.

Перед входом в храм, так, чтобы было видно всем, стоял священный алтарь, который должен был на этот раз выполнять роль священного ложа Бога Энки и богини Иштар. Сегодня Эльмештум должна стать женой Элайи, а он ее мужем. Это действие могло совершиться только в месяц Шабату. Время сжигающего холода. +15 для шумеров очень холодно, а ночью могло быть и +7. Зимы в Стране, в которой ты живешь, даже в ее южных областях, показались бы им просто смертельным издевательством. Кто вообще по своей воле будет жить в таком климате? Время шквалистых ветров, ливневых дождей, разлива каналов. Время угрозы всеобщей жизни, катастрофы всего бытия. Затапливаются жилища, разрушаются храмы, от натиска стихий погибают люди. Месяц всемирного потопа, когда исчезает все живое. Эльмештум сделала Элайю живым, и она же убила его, но не физически, а духовно. Ее смерть убила его, о, жрица Иштар, холодная и безжалостная!

Готовилось священное ложе, ложе жизни и смерти, соединение которых должно было спасти Шумер! Так вещал жрец, который долго готовил свой народ к тому, чтобы они поверили в справедливость и необходимость этого убийства. «У нас нет выбора, — говорил он, — мы вынуждены

принять эти меры, чтобы наш мир не погиб под аккадским нашествием».

Сочетание праздника и плача, любовь вопреки гибели мира, излияние семени во влагалище как противостояние мировому хаосу, желающему поглотить Урук и все бытие. Вот это ложе, где молодая сангу через старого повелителя неба должна будет обрести новую жизнь и тут же отдать ее ему.

Петр видел статуи, которые вмещали в себя разномастных богов всех рангов, и потому казались живыми и с удовольствием принимали людские подношения. Одеты они были богато и разнообразно: льняные одежды, теплые шерстяные плащи, сандалии, пояски и шарфы, белые шапки разных фасонов. Божки были близки людям и имели такие же привычки: много есть, заниматься любовью и красиво одеваться.

Эльмештум вывели совершенно нагой, только в ее черных пышных волосах был большой красный цветок, специально выращенный Элайей в храме, чтобы она в своей наготе была еще прекрасней. Хотя куда уж прекрасней? Сама богиня Иштар не смогла бы сравниться с ней в красоте.

Девушку подвели к алтарю, положили на него, привязали руки и ноги. Жрец взял в руки кинжал, которым обычно разделял священных барашков, подошел к ней, поцеловал ее дрожащие губы и одинокую слезу, текущую по юной щеке. Вошел он в нее резко и властно. Он терзал ее своим членом и ощущал, как струйки ее девственной крови стекают по его бедру. Она не могла сдерживать свои рыдания, но кроме жреца ее уже никто не слышал. Народ шатался в пьяном экстазе в ожидании того, как священное семя Эн-ки вольется во влагалище Иштар.

Потом жрец, не выходя из девушки, кинжалом пронзил ее маленькую грудь. Она вскрикнула, но была еще жива. Он вышел из нее и уверенным жестом перерезал ей глотку, со-

брал кровь в священный сосуд и вылил к ногам Иштар. Народ ликовал, он думал, что эта жертва понравится богам, и они точно оставят их жить. Их город, их дома и их барашков. Жрец затянул свою песню.

Расторгни узы моей колдуньи,
Уничтожь слова моего врага,
Пошли буре ее чары, ветру — ее слова;
Все ее порчи и чары пусть унесет ветер;
Пусть она умрет, а я живу.
Ее колдовство, ее чары, ее порчи, пусть они
будут развеяны
По приказу Иштар, владычицы богов.
В Доме святом престол для нее устанавливают,
Божественный царь там с ней остается,
Чтобы судьбы всех стран установить,
Чтобы в день черной луны МЕ совершенным
сделать.
В месяц Шабату для моей госпожи постелено
ложе,
Трава нумун ароматом кедра очищена,
На ложе моей госпожи разложена,
Поверх одеяло постелено.
Дабы на ложе под приятным одеялом радость
обрести,
Моя госпожа свое светлое лоно омыла,
Для лона царя она его омыла,
Светлая Иштар омылася с содой,
Натерлась благоуханным кедровым маслом.
Царь с поднятой головой подошел
к священному лону,
С поднятой головой подошел он к телу Иштар,
Энки на ложе возлег с ней,
Проявил заботу о священном лоне:
— О мое священное лоно!
— О моя светлая Иштар!

Шумерская цивилизация погибла в результате нашествия с запада воинственных семитских кочевых племен. В 24 веке до нашей эры царь Аккада Саргон Древний разгромил царя Лугальзагеси, правителя Шумера, объединив под своей властью Северную Месопотамию. На плечах Шумера родилась вавилоно-ассирийская цивилизация.